

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.25>

Сабиров Владимир Шакирович

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ДВЕ ФИЛОСОФЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ

В статье рассматриваются два способа решения проблемы смысла жизни Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским. Рационализм, нормативность, морализм в отношении к жизни и псевдонародность Л. Н. Толстого обнаружили свою несостоятельность перед лицом его собственной смерти. Ф. М. Достоевский же осмысливает и переживает эту проблему почвеннически, укореняясь в вере в Бога, искренне и глубоко любя свою землю и свой народ. Он отходит в решении этой проблемы от рационализма, морализма, психологизма и субъективизма, придает ей качество онтологической глубины и многомерности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/25.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 292-297. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Семенов И. М. Необыкновенные приключения знаменитого путешественника Пети Рыжика и его друзей Мика и Мука. М.: Мелик-Пашаев, 2014. 144 с.
17. Смольская Е. П. Массовая культура: развлечение или политика? М.: Мысль, 1986. 143 с.
18. Флиер А. Я. Культура общества как системный феномен // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 21-27.
19. Чуковский К. И. Раствление детских душ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comicsnews.org/articles/chronology/1948-komej-chukovskij-o-supermene-betmene-i-drugix-gerojax-di-si> (дата обращения: 12.11.2015).
20. Шалаева Н. В. Социокультурные задачи советской власти и политический плакат периода Гражданской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. 1. С. 209-214.
21. Шестаков В. П. Мифология XX века. М.: Искусство, 1988. 224 с.
22. Юный техник. М.: Молодая гвардия, 1956. № 3. 81 с.
23. Alaniz J. Comics: Comic Art in Russia. Mississippi: University Press, 2010. 280 p.
24. Eisner W. Comics & sequential art. Florida: Poorhouse Press, 1985. 164 p.
25. McCloud S. Understanding comics. The invisible art. N. Y.: Harper Collins Publishers, Inc., 1993. 215 p.
26. Wertham F. Seduction of the innocent. N. Y.: Rinehart & Company, 1954. 397 p.

THE SOVIET COMICS AS AN INSTRUMENT TO INFLUENCE MASS CONSCIOUSNESS

Pushkin Sergei Alekseevich

*Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev
sp_87@inbox.ru*

Comics as the symbiosis of the literary genre and visual art, repudiated by the Soviet ideology, for a long period were not officially recognized in the domestic scientific community. However, the study indicates that comics in the USSR not only existed but were used rather efficiently as an instrument to influence the Soviet citizens' mass consciousness. The article analyses the Soviet comics, identifies the basic strategies of using them to influence mass consciousness, and proposes practical recommendations for their usage under the modern conditions.

Key words and phrases: influence; comics; mass culture; mass consciousness; propaganda; strategy.

УДК 128

Дата поступления рукописи: 10.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.25>

В статье рассматриваются два способа решения проблемы смысла жизни Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским. Рационализм, нормативность, морализм в отношении к жизни и псевдонародность Л. Н. Толстого обнаружили свою несостоятельность перед лицом его собственной смерти. Ф. М. Достоевский же осмысливает и переживает эту проблему почвеннически, укореняясь в вере в Бога, искренне и глубоко любя свою землю и свой народ. Он отходит в решении этой проблемы от рационализма, морализма, психологизма и субъективизма, придает ей качество онтологической глубины и многомерности.

Ключевые слова и фразы: смысл жизни; смерть; страх смерти; рационализм; нормативность; морализм; псевдонародность; почвенничество; сверхрационализм; онтологизм; сотериологичность.

Сабиров Владимир Шакирович, д. филос. н., профессор

*Сибирский государственный университет информатики и телекоммуникаций, г. Новосибирск
sabirov-soina@211.ru*

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ДВЕ ФИЛОСОФЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001\18.

*Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие.
Бытие только и начинает быть, когда ему грозит небытие.*

Ф. М. Достоевский

Вопрос о смысле жизни человека является, пожалуй, главной философско-антропологической и духовно-нравственной проблемой, ибо она составляет предмет вопрошаний и глубоких размышлений не только профессиональных мыслителей, но и широкого круга духовно чутких людей, небезразличных к своему временному существованию на земле. В этой связи каждый автор, берущий на себя смелость публичного осмысления данной проблемы, сильно рискует: в лучшем случае он может создать какую-нибудь очередную, так называемую смысложизненную «теорию», своего рода развлечение для ума, а в худшем – опуститься до банальных, а то и пошлых сентенций, касающихся этого вечного вопроса.

Чтобы избежать обеих отмеченных опасностей, автор решил обратиться к этой проблеме, опираясь в основном на творчество Ф. М. Достоевского, который, по сути дела, оказался одним из самых глубоких художников-

мыслителей человечества, давших ответы на многие вечные вопросы, актуальность которых не только не утрачена по сей день, но более того – именно сейчас проясняется их необыкновенная прозорливость, правота и жизненная сила.

Цель статьи – показать оригинальность решения Ф. М. Достоевским проблемы смысла жизни, которая, по сути дела, задает новую парадигму в подходе к этой вечной теме, оказавшуюся вне внимания представителей гуманитарных наук.

Как известно, вопрос о смысле жизни, смерти и бессмертии в свое время, в период мучительного духовного кризиса 80-х годов XIX века, предстал и перед другим великим русским гением – Л. Н. Толстым. В этой связи, с нашей точки зрения, компаративные исследования двух русских гениев в контексте отмеченной проблемы напрашиваются сами собой.

Л. Н. Толстой обращался к этой проблеме и как художник, создавший непревзойденные литературные шедевры: рассказы «Три смерти», «Хозяин и работник», повесть «Смерть Ивана Ильича», гениальные сцены в романах «Война и мир» и «Анна Каренина»; и как рефлексирующий мыслитель в своей «Исповеди» и трактате «О жизни».

В качестве художника Л. Н. Толстой оказался весьма проницательным психологом, изобразившим с гениальной глубиной и почти физиологической детализацией переживания человека перед лицом смерти и в процессе физического умирания. В мировой литературе нет столь уникальных по своей жизненной достоверности изображений конечных стадий человеческого бытия такого высочайшего уровня, о чем, в частности, свидетельствует хотя бы тот факт, что в современной западной танатологии до сих пор повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» служит важнейшим иллюстративным материалом умирания и смерти человека [8-10]. Что же касается «Исповеди», то она интересна и крайне важна тем, что в ней показаны глубокие экзистенциальные переживания и рефлексия человека достаточно высокого социального и интеллектуального уровня, оторванного при этом от основной массы народа и в то же время стремящегося любыми способами с ним воссоединиться. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, экзистенциально достоверные выводы, сделанные писателем в этой работе относительно того, почему же его собственная жизнь оказалась столь бессмысленной и, как следствие, в ней вдруг возникли острейшие параксизмы страха смерти: Л. Н. Толстой честно и мужественно признался, что это именно его, Льва Николаевича, жизнь лишена подлинного духовно-нравственного смысла, поскольку он, во-первых, в моральном плане законченный эгоист, во-вторых, социальный паразит (проедает труды мужиков), и, в-третьих, практический безбожник, ибо искренно и глубоко не верует в Бога, – он, к сожалению, так и не смог вплоть до конца своего земного бытия радикально изменить свою жизнь и духовно переродиться.

В этом плане весьма показательны взаимоотношения Л. Н. Толстого с близкими ему людьми: женой, детьми, крестьянами и слугами. Его проповедь любви, которой он, по сути дела, посвятил всю вторую половину жизни, порой чрезвычайно плохо согласовывалась с реальным проявлением им этого чувства по отношению к конкретным людям. Известно, что Л. Н. Толстой нигилистически относился к медицине, но всякий раз, когда серьезно заболел, он непременно созывал к себе столичных медицинских светил и покорно лечился, вплоть до выздоровления. Совершенно иначе он воспринимал болезнь близких ему людей. В тяжелых болезнях жены и детей писатель охотно предполагал волю Провидения и готов был созерцать великую тайну ухода человека из жизни. Читаем воспоминания профессора Снегирева, вызванного в семейство Толстых во время опасного заболевания Софьи Андреевны, жены писателя: «Я отправился к Льву Николаевичу и высказал ему необходимость операции. Он ответил: “Я смотрю пессимистически на здоровье жены: она страдает серьезной болезнью. Приблизилась великая и торжественная минута смерти, которая на меня действует умирительно. И надо подчиниться воле Божьей. Я против вмешательства, которое нарушает величие и торжественность акта. Все мы должны умереть не сегодня, завтра, через пять лет. И я устраняюсь: я ни «за», ни «против»... Я сказал: “Может быть, и не надо делать операции, но тогда найдите средство, как утишить боль и страдания”. “Страдания необходимы: они помогают подготовиться к великому акту смерти...”». В результате решили утвердительно больная и дети. Операция прошла благополучно, и Софья Андреевна прожила еще около пятнадцати лет. Через два дня после операции Толстой делает в дневнике следующую запись: «Это ужасно грустно. Мне ее жаль: перенести большие страдания и фактически напрасно. Я просто не знаю! Это грустно, очень грустно, но очень хорошо» [4, с. 37]. Однако столь философически спокойное отношение к смерти других людей отнюдь не распространялось у Л. Н. Толстого на его отношение к собственной смерти. Пароксизмы страха смерти, которые с необычайной силой овладели им в Арзамасе, возвращались к нему периодически и не оставили его фактически до последних мгновений его жизни. «Чертков приводит фразы Толстого накануне смерти: “Ну, теперь шабаш, все кончено!” или “Не понимаю, что мне делать?”. Сестра его, мать Мария, передает об этом более подробно: “Что мне делать, Боже мой! Что мне делать?”. Руки его были сложены, как на молитву». Эти слова в той или иной версии указывают на безвыходное положение, в каком себя сознавал Толстой. «Религия Толстого, – говорит Лодыженский, – поставленная перед лицом смерти, не дала ему успокоения. Последние дни его были днями человека мятущегося, не знавшего, что ему делать» [Там же, с. 66-67]. Поэтому есть все основания полагать, что именно в отношении к смерти и поведению перед ее лицом обнаруживается не только ложность нравственно-философского учения Л. Н. Толстого, но и то прискорбное обстоятельство, что проповедник любви и ненавистия фактически никого, кроме себя, не любил.

Что же касается воззрений Ф. М. Достоевского касательно рассматриваемого нами вопроса, то они радикально отличаются от толстовских по ряду пунктов, о которых мы ниже поговорим специально. Здесь же

отметим, что у автора «Идиота» нет художественно изысканных и психологически детализированных описаний умирания человека, не имел он и специальных философских сочинений на эту тему. Тем не менее, Ф. М. Достоевский оставил нам в своих художественных произведениях, преимущественно в романах, оригинальное философское решение проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия человека, далеко выходящее за пределы антропологии и, быть может, именно поэтому дающее нам духовно выверенное и этически безупречное направление для разумного устройства жизни вообще.

Здесь нам прежде хотелось бы напомнить читателям эпизод, касающийся последнего дня жизни писателя и весьма красноречиво показывающий его отношение к своей собственной смерти.

В воспоминаниях А. Г. Достоевской – жены писателя – находим такие строки: «Так как прошлую ночь я провела в креслах и плохо спала, то на эту ночь мне постлали постель на тюфяке, на полу, рядом с диваном, где лежал Федор Михайлович, чтоб ему легче было меня позвать. Утомленная бессонною ночью и беспокойным днем, я быстро заснула, ночью несколько раз поднималась и при свете ночника видела, что мой дорогой больной спокойно спит. Проснувшись я около семи утра и увидела, что муж смотрит в мою сторону.

– Ну, как ты себя чувствуешь, дорогой мой? – спросила я, наклонившись к нему.

– Знаешь, Аня, – сказал Федор Михайлович полупшепотом, – я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру.

– Голубчик мой, зачем ты это думаешь? – говорила я в страшном беспокойстве, – ведь тебе теперь лучше, кровь больше не идет, очевидно, образовалась “пробка”, как говорил Кошляков. Ради бога, не мучай себя сомнениями, ты будешь еще жить, уверяю тебя!

– Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие!

<...> Он сам открыл святую книгу и просил прочесть.

Открылось Евангелие от Матфея. Гл. III, ст. II: “Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду”.

– Ты слышишь – “не удерживай” – значит, я умру, – сказал муж и закрыл книгу.

Я не могла удержаться от слез. Федор Михайлович стал меня утешать, говорил мне милые ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую он прожил со мной. Поручал мне детей, говорил, что верит мне и надеется, что я буду их всегда любить и беречь. Затем сказал мне слова, которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни:

– Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно!

Я была до глубины души растрогана его задушевными словами, но и страшно встревожена, опасаясь, как бы волнение не принесло ему вреда. Я умоляла его не думать о смерти, не огорчать всех нас своими сомнениями, просила отдохнуть, уснуть. Муж послушался меня, перестал говорить, но по умиротворенному лицу было ясно видно, что мысль о смерти не покидает его и что переход в иной мир ему не страшен» [1, с. 374-376].

В этой связи закономерно встает вопрос о том, каким образом можно объяснить столь радикально отличающееся отношение к смерти Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского?

Мы полагаем, что здесь дело заключается отнюдь не в различии их человеческих темпераментов и вообще психологических устроений, но, скорее всего, в радикальнейшем несходстве их мировоззрений, человеческих судеб и, наконец, особенностей отношения к жизни и другим людям.

Но вернемся к толстовской «Исповеди», в которой писатель трагически вопрошает: «Есть в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [6, с. 122]. Это произведение многое объясняет в воззрениях писателя и специфики его личности. Так, в нем Л. Н. Толстой чрезвычайно глубоко и духовно достоверно описал свою собственную ситуацию смыслоутраты, сопровождавшейся мучительными переживаниями страха смерти и намерениями суицидального характера. Знаменитый австрийский психолог и логотерапевт В. Франкл очень удачно назвал это состояние «экзистенциальным вакуумом» [7]. Действительно, Л. Н. Толстому стало в самом серьезном и подлинном значении этого слова «нечем жить», поскольку все ценности, которые поддерживали его в этой жизни: писательская слава, богатство, большая семья, крепкое здоровье и т.д., – вдруг показались ему эфемерными и совершенно бессмысленными, результатом чего стала внезапно появившаяся в качестве грозной жизненной реальности чудовищная экзистенциальная тоска, от которой он страдал чрезвычайно сильно. Выход из этого мучительнейшего состояния писатель начал искать посредством наблюдений за жизнью других людей, а затем уже стал предаваться рефлексии над увиденным и прочувствованным. Результатом этих переживаний и раздумий оказался категорический вывод о собственной духовной, моральной, религиозной несостоятельности, из которой он предполагал выйти посредством некоего облагороженного кинизма (радикального отказа от благ цивилизации и предельного упрощения своих бытовых и социальных потребностей), а также своеобразного патриархального анархизма, идеал которого он видел в труде, образе жизни и привычках простого народа. Таким образом, обретение смысла жизни и освобождение от страха неизбежной смерти виделось Л. Н. Толстому в избавлении от эгоизма, столь свойственного представителю образованного сословия, никогда не жившего интересами «других», но во всем и всегда видевшего только себя и свое «благо», постоянном физическом труде и, наконец, обретении неким духовным принуждением себя веры в Бога. Именно этот особый комплекс духовно-душевных состояний и был, согласно наблюдениям Л. Н. Толстого, особенно характерен для русского крестьянства, в среде которого никто практически не был озабочен хроническим и вечным вопросом об особом смысле своего бытия, ибо каждый, живущий вместе с народом и осуществляющий, подобно ему, извечное «дело жизни», относился к смерти эпически спокойно и умирал без особых душевных страданий и мучительной рефлексии, что как раз и было типично для представителей дворянства и образованных сословий.

Резюмируя все вышесказанное, мы считаем необходимым констатировать несколько основных положений касательно разрешения Л. Н. Толстым проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия человека.

Во-первых, великий писатель решает эту проблему сугубо *рационалистически*, не претерпевая глубокого духовного переворота, радикально перерождающего все его мировосприятие, привычки и образ жизни, подобно тому, как это произошло с Ф. М. Достоевским после вынесения ему судебного приговора по делу кружка Петрашевского, мучительной церемонии подготовки к казни на эшафоте в Шлиссельбургской крепости, а затем ссылки в Омский острог и службы простым солдатом в Семипалатинске.

Во-вторых, Л. Н. Толстой пытается осмыслить проблему смысла жизни сугубо *нормативно*, т.е. сводит ее к жестко фиксируемым определенным ценностям, представленным у него достаточно умозрительно. К сожалению, он так и не смог усмотреть в этой проблеме более глубокие онтологические основания, открывшиеся автору «Братьев Карамазовых».

И, наконец, в-третьих, яснополянский мудрец начал заниматься физическим трудом: пахать землю и косить траву, как простой крестьянин, и нельзя не отметить, во всяком случае, опираясь на суждения многочисленных биографов писателя и его собственные дневниковые записи, что все эти занятия, несомненно, полезные и важные в сугубо геронтологическом плане, были и внутренне, и духовно глубоко чужды ему самому. Именно поэтому *он так и не стал крестьянином в простом, естественно-жизнейском значении этого слова, а следовательно, так и не слылся со своим народом* ни в бытовом, ни в метафизическом смысле; и преодоление этого фундаментального социокультурного разрыва между баринством и мужиком было совершенно непреодолимым даже для человека столь уникальных сил и возможностей. В этом устремлении Л. Н. Толстого помимо сугубо барской прихоти, над которой многие его крестьяне откровенно потешались, есть и неявное принижение самого главного дела его собственной жизни – его великого писательского труда, к которому он, несомненно, был призван Высшими Провиденциальными силами. Иначе как можно объяснить, что его гениальный художественный талант стал меркнуть и неотвратимо тускнеть, как только он, озаботившись поисками смысла жизни и встав на путь религиозного реформатора, проповедника и моралиста, сам отлучил себя от своего призвания, безусловно придававшего его жизни высочайший смысл и оправданность? Более того, эта духовная метаморфоза великого писателя, знаменующая собой отход от православной веры, истинной веры своего народа, предательское бегство из семьи, упорный отказ пустить к себе проститься свою жену, Софью Андреевну, мать его 13 детей, с которой им было прожито совместно 48 (!) лет, не могло не отразиться на его душевном состоянии перед смертью на станции Астапово! Духовное предательство и самого себя, и своего предназначения в жизни не могло не привести великого писателя к неотвратимому жизненному краху, ложному решению проблемы смысла жизни и неспособности к смиренному принятию последнего рубежа его земного бытия.

В противоположность Л. Н. Толстому в понимании Ф. М. Достоевским проблемы смысла жизни решающими, на наш взгляд, являются две фразы, высказанные различными персонажами двух его произведений: «смешным человеком» из одноименного фантастического рассказа и Алешей из романа «Братья Карамазовы». При этом автор настоящей работы считает необходимым указать, что до сих пор практически никто из многочисленных исследователей творчества Ф. М. Достоевского по существу не обратил должного внимания именно на эти замечательные суждения его героев, и уж тем более не нашлось ни одного философа, культуролога, антрополога или литературоведа, которые решились бы именно на их основании развернуть оригинальную концепцию смысла жизни Ф. М. Достоевского, имеющую колоссальное теоретическое и практическое значение в периоды острейших социально-исторических катастроф, время от времени переживаемых человечеством, и в особенности для нас, русских людей, глубоко озабоченных сейчас поисками своей национальной идентичности.

В «Сне смешного человека» писатель воспроизводит глубоко выношенную и выстраданную мысль его героя, которую он, несомненно, и сам разделяет в полной мере: «“Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья” – вот с чем бороться надо!» [3, с. 119]. А в знаменитом диалоге в трактире Ивана и Алеши Карамазовых младший из братьев, полемизируя с богоборцем и богоотступником Иваном, говорит: «Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

– Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

– Непременно так, полюбить прежде логики, и тогда только я и смысл пойму» [2, с. 210].

В отличие от толстовского решения проблемы смысла жизни Ф. М. Достоевский, как нам представляется, утверждает здесь следующее.

Во-первых, для того чтобы сколько-нибудь приблизиться к осмыслению этого великого и вечного вопроса, каждому человеку нужно приучить себя к осуществлению некой особой гносеологической «операции»: необходимо, так сказать, разделять жизнь и мысль о ней, поскольку никакая мысль не способна охватить целостность и полноту бытия. Ограниченный ум человеческий неизбежно будет навязывать онтологической многомерности жизни свои крайне субъективные представления, таким образом сужая жизнь до какой-нибудь умозрительной идеи, ставя ее тем самым выше самой жизни. Более того, эта зачастую наспех сконструированная «идея» станет представляться ему гораздо значительнее и совершеннее, чем сама «живая жизнь» (словосочетание самого Ф. М. Достоевского), полная противоречий, страданий и всякого рода приключений, недоразумений и несчастий. В этой ограниченной и при этом жестко гипотезированной системе представлений *идея* во многом конгениальна *идеалу*, т.е. чему-то только ожидаемому, отдаленному от живой жизни со всеми ее парадоксами и противоречиями какой-то долговременной исторической перспективой, к которой все реально существующее, т.е. опять-таки «живая жизнь», не имеет решительно никакого отношения. Именно поэтому

восприятие человеком жизни исключительно сквозь призму идеи несет в себе величайшую опасность для всего ее существования на земле, о чем Ф. М. Достоевский более чем красноречиво показал в своих великих произведениях: «Бесах», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых». Да и вообще полюбить жизнь прежде мысли, т.е. прежде логики и развешивающей человеческое сознание самодовлеющей рационалистической рефлексии означает, по Достоевскому, не что иное, как принять ее такой, какая она есть в самом естественном, природно-чувственном существе своем, уже в силу самого факта ее существования: с добром и злом, прекрасным и безобразным, радостями и страданиями. Следовательно, неспособность человека принять и полюбить жизнь такой, какая она есть в ее уникально живой духовной иррациональности есть в существе своем страшный грех – хула на Духа Святого, а нельзя не отметить, что в христианской традиции этот грех считается непрощаемым, что вполне закономерно и оправдано, ибо он равносителен бунту против Божественного творения, Его славы и совершенства, и значит, в конечном итоге и против Самого Бога-Творца. Таким образом, здесь Ф. М. Достоевский фактически выступает против рационализации проблемы смысла жизни, против сужения ее «повадливим умом» человеческим (выражение самого Ф. М. Достоевского) к какому-нибудь очередным примысленным «теориям», согласно которым некие бездумные идеологи готовы пере-страивать жизнь на земле «по новому штату» (тоже выражение Ф. М. Достоевского), т.е. калечить ее и отрицать у нее способность развиваться и отстаивать себя по неким таинственным и иррациональным законам.

Во-вторых, отсюда следует также, что, согласно Ф. М. Достоевскому, проблема смысла жизни представляет собой не некий набор нормативных требований, программ или проектов, сочиненных кем бы то ни было в тишине кабинетов. В действительности же всякая нормативизация смысла жизни означает на деле его моралистическое сужение, имплицитно предполагающее приемлемость одних и неприемлемость других «концепций» жизни, равно как и ее смысла. Всякий же морализм в особенности там, где дело идет о глубинных основаниях человеческого бытия на земле, неизбежно чреват безудержным противоборством людей, несет в себе семена многочисленных социальных конфликтов и, быть может, даже гражданских противостояний. Поэтому бороться следует не с многообразными идеями и концепциями жизни и счастья, опять-таки по Достоевскому, а именно с теми идеями и учениями, которые пытаются рационалистически и моралистически «объяснить» жизнь, т.е. препарировать ее на основании предельно ограниченных (т.е., увы, всего лишь только «человеческих») схем и представлений. Таким образом, согласно убеждению великого писателя, жизнь следует принимать, а соответственно, и понимать как благой и совершенный дар свыше, улучшать же и совершенствовать нужно прежде всего самого себя и свою падшую природу, и только в этом процессе непрерывной «выделки в человека» (опять же суждение Ф. М. Достоевского) жизнь рано или поздно предстанет перед нами вполне прекрасной и совершенной.

В-третьих, Ф. М. Достоевский, оказавшийся в остроге, а затем на военном поселении, постоянно жил в самой гуще народа, перенося те же труды, тяготы и несчастья, что и его товарищи по заключению, подчинившись всем правилам арестантского, а затем солдатского быта и не испрашивая себе никаких особых привилегий у острожного или военного начальства. Однако именно благодаря этому смиренному, т.е. сугубо национальному по основному своим ментальным качествам и предпочтениям, отношению он отнюдь не растворился в народе как некоей обезличенной массе, но глубочайшим образом сохранил и укрепил в себе свою личностную идентичность, чем, кстати, завоевал среди заключенных и сослуживцев огромный почет и искреннее уважение. Надо сказать, что именно это безоговорочное приятие великим писателем своего удела, каким бы тяжким и незаслуженным он ему не представлялся на первых порах его заключения, впоследствии приучило его принимать и понимать свою жизнь и жизнь многих окружающих его людей в духовной полноте, а не в частности, что придало всем испытываемым им страданиям несомненный сотериологический смысл и таким образом постепенно приучило его жить, сообразовывая ход и смысл своего существования с замыслом Высших сил, а не с субъективными умонастроениями, какими бы значительными они ни казались на первый взгляд человеческому разумению.

Как нам представляется, все отмеченные выше констатации дают некоторые основания для более широких обобщений и выводов, касающихся решения Ф. М. Достоевским проблемы смысла жизни, которое может быть адекватно понято только в контексте предметной и жизненно достоверной укорененности в родной земле и своем народе, т.е. его почвенничестве, отнюдь не являющемся у него некоей реакционно-консервативной социальной утопией, как считают многие недалековидные его исследователи, но прежде всего оригинальной философско-антропологической концепцией [5, с. 69-87] (подробнее см. об этом в [5]). Авторы здесь утверждают, что почвенничество Ф. М. Достоевского означает, прежде всего, живую связь человека с Богом, с родной землей и своим народом, частью которого он является). Более того, особо подчеркнем здесь, концепция почвенничества у Ф. М. Достоевского отнюдь не есть сугубо головная, умозрительная и тем более рационалистическая конструкция, но составляет живую и действенную основу его мирозерцания, жизнедеятельности и творчества. И этим он принципиально отличается от своего собрата по писательскому цеху – Л. Н. Толстого.

Список источников

1. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 518 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. Братья Карамазовы: роман в 4-х ч. с эпилогом. 512 с.
3. Достоевский Ф. М. Сон смешного человека. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. Дневник писателя за 1877. Январь-август. С. 104-119.
4. Духовная трагедия Льва Толстого. М.: Отчий дом, 1995. 320 с.

5. Соина О. С., Сабиров В. Ш. Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского. М.: Флинта; Наука, 2015. 310 с.
6. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. Публицистические произведения 1855-1886. С. 106-165.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Kastenbaum R., Aisenberg R. Psychology of death. N. Y.: Springer Pub. Co., 1972. 446 p.
9. Kubler-Ross E. On Death and Dying. L.: Macmillan Publishing Com., Inc., 1970. 300 p.
10. Kubler-Ross E. Questions and Answers on Death and Dying. N. Y.: Simon & Schuster, 1974. 177 p.

L. N. TOLSTOY AND F. M. DOSTOEVSKY: TWO PHILOSOPHEMES OF LIFE MEANING

Sabirov Vladimir Shakirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk
sabirov-soina@211.ru

The article discusses two ways to solve the problem of life meaning: by L. N. Tolstoy and by F. M. Dostoyevsky. Rationalism, normativity, moralism in relation to life and pseudo-folk origins of L. N. Tolstoy failed in the face of his own death. F. M. Dostoyevsky comprehended and experienced this problem in the nationalistic way, taking root in faith in God, loving his land and his people sincerely and deeply. In solving this problem, he departed from rationalism, moralism, psychologism and subjectivism, and gave it the quality of ontological depth and multidimensionality.

Key words and phrases: life meaning; death; fear of death; rationalism; normativity; moralism; pseudo-folk origins; nationalist trend; super-rationalism; ontologism; soteriological character.

УДК 101

Дата поступления рукописи: 20.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.26>

В статье разрабатывается научная концепция специфики философии. Согласно ей: 1) философия разделена на противоположные равноправные типы – абсолютистский и научный; 2) философам-абсолютистам присуще спорное отношение к философии как важнейшей для человека и общества деятельности, значение которой определяется абсолютным статусом ее предмета; 3) для представителей научной философии их деятельность – менее эмоционально возвышенное, но более рационально глубокое исследование мировоззренческих проблем как содержащих то или иное отношение человека и «абсолюта», берущегося в качестве проблемы (неясного понятия), но не реальности (сверхчеловеческой или какого-либо человеческого свойства).

Ключевые слова и фразы: специфика философии; двуединство философии; абсолютистский тип философствования; научный тип философствования; абсолют как реальность; абсолют как проблема.

Тарасов Олег Владимирович, к. филос. н.

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
ovtarasov@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ: РАЗРАБОТКА НАУЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Актуальность исследования проблемы специфики философии определяется научной неудовлетворительностью большей части результатов, достигнутых в данной области. В большинстве из известных нам философских концепций вновь и вновь, так или иначе, утверждается двуединая природа философии. Философия здесь – это якобы деятельность одновременно и рационально-познавательная, и эмоционально-оценочная, причем последний аспект характеризуется не как обычный, а как особый, сакрально возвышенный, напрямую родственный абсолютно возвышенной религиозной оценочности [4-8; 12]. Это сразу придает и предмету, и социальной роли философского творчества «царственный» (по выражению Ницше) статус, ставит философию и над наукой, и над религией, и над любым другим видом человеческой деятельности. Такого рода подход к определению специфики философии настолько же привлекателен и силен эмоционально, насколько сомнителен и слаб интеллектуально. Альтернативный подход к пониманию философии, представленный в меньшей части философских концепций, рационально более удовлетворителен, но все-таки далеко не в полной мере. Дело в том, что его основные положения, группирующиеся вокруг центральной идеи – философия непреодолимо разделена на противоположные типы, – выражены либо несистемно, в виде едва связанных тезисов [1-3], либо не получают последовательного развития [9-11; 13; 14]. Данная ситуация явно проблематична и является хорошим стимулом для проведения исследования. Исходя из сказанного, основная наша цель заключается в том, чтобы существенно обновить (разработать более последовательный) рационально-научный подход к определению специфики философии как деятельности, фатально раздвоенной на противоположные типы, в рамках которых и предмет, и назначение философствования мыслятся принципиально по-разному.

Продemonстрируем оба упомянутых подхода буквально парой относительно недавних концепций. Так, в русле первого подхода к специфике философии привлекают внимание идеи, сформулированные